

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Перспективы восстановления экономического роста в России

*(По материалам круглого стола в рамках XXI Апрельской
международной научной конференции НИУ ВШЭ)*

На обсуждение участников круглого стола были вынесены следующие вопросы: может ли помочь опыт восстановления российской экономики после кризисов 1998 и 2008 гг. сегодня; какие отрасли российской экономики были драйверами роста в предшествующее десятилетие и могут ли они выполнять эту роль в ближайшие годы; какими могут быть темпы роста российской экономики в 2021 г. и почему; как можно скорректировать национальные проекты, нацеленные на стимулирование роста. Кроме того, в ходе подготовки материалов круглого стола к печати его участники выделили ключевые факторы, определяющие динамику производительности труда и производства в России, предложили способы поддержки экономики в период «коронакризиса», сформулировали меры экономической политики, способные ускорить рост российской экономики.

Ключевые слова: экономический рост, долгосрочные факторы роста, производительность труда, структурные сдвиги, экономическая политика.

JEL: E6, H11, O1, O4, P4.

Участники дискуссии: *Акиндинова Наталья Васильевна* (nakindinova@hse.ru), директор Института «Центр развития» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Москва); *Домбровский Марек* (mdabrowski@hse.ru), проф. НИУ ВШЭ (Москва), н. с. центра Брейгель (Брюссель, Бельгия), н. с. CASE — Центра социально-экономических исследований (Варшава, Польша); *Широв Александр Александрович* (schir@ecfor.ru), д. э. н., чл.-корр. РАН, замдиректора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН) (Москва); *Белоусов Дмитрий Рэмович* (DBelousov@forecast.ru), к. э. н., руководитель направления анализа и прогнозирования макроэкономических процессов Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, завлабораторией ИНП РАН (Москва); *Воскобойников Илья Борисович* (ivoskoboynikov@hse.ru), PhD in Economics, вед. н. с. Научно-учебной лаборатории «Исследование проблем инфляции и экономического роста» Экспертного института НИУ ВШЭ (Москва); *Гурвич Евсей Томович* (egurvich@eeg.ru), к. ф.-м. н., руководитель Экономической экспертной группы, руководитель Центра бюджетного анализа и прогнозирования Научно-исследовательского финансового института Минфина России (Москва).

Е. Т. Гурвич. Тема роста российской экономики сегодня актуальна как никогда. Во-первых, вызванные пандемией меры карантина и изоляции привели к беспрецедентному для мирного времени спаду производства: по прогнозу МВФ (IMF, 2020), мировой ВВП в 2020 г. сократится на 3%, Всемирный банк ожидает спада более чем на 5% (World Bank, 2020), а в ходе предыдущего крупного кризиса, в 2009 г., он составил символические 0,1%. Для России, согласно большинству прогнозов, глубина спада составит порядка 5%. Велики различия между странами и с точки зрения ожидаемой скорости восстановления экономики, зависящей как от ее структурных свойств, так и от политики, проводимой правительством и центральным банком. Таким образом, возможные способы минимизации спада российской экономики в период пандемии и скорейшего восстановления роста в последующий период требуют серьезного обсуждения. После решения этих краткосрочных и среднесрочных задач на первый план вновь выйдет долгосрочная проблема преодоления устойчивого замедления российской экономики в последнее десятилетие.

Прежде всего необходимо максимально полно проанализировать динамику производства, рассмотрев ее во всех измерениях: макроэкономическом, отраслевом и региональном. Далее, требуется определить, в какой мере экономическая динамика определяется внешними, экзогенными факторами, а в какой — внутренними свойствами российской экономики (и какими именно). Один из важных приемов такого анализа состоит в сопоставлении показателей со странами, относящимися к той же категории, что и Россия. Представительную выборку дают 10 крупнейших стран с формирующимся рынком, входящих в «большую двадцатку». В таблице 5а представлены средние темпы роста этих стран в 2000-е и 2010-е годы и прогнозы на ближайшие годы и долгосрочную перспективу. Для России после показателя в скобках приводится место в рассматриваемой десятке стран.

Отметим быстрое ухудшение показателей роста нашей экономики по сравнению с другими странами с формирующимся рынком. Если в 2000-е годы Россия уступала по темпам роста только Китаю и Индии, то в последнее десятилетие она опустилась уже на седьмое место, пропустив вперед Индонезию, Турцию и другие страны. Отметим, что Саудовская Аравия, где добыча нефти играет еще более важную роль, заметно опередила нашу страну в этот период. По показателям роста в период пандемии Россия занимает восьмое место по прогнозам МВФ и шестое — по оценкам Всемирного банка. Наконец, совсем мрачные перспективы рисует долгосрочный прогноз потенциальных темпов роста ОЭСР (Guillimet, Turner, 2018). Согласно ему, в период до 2030 г. российская экономика будет расти в среднем лишь на 0,5% в год. В этом случае суммарный рост за 13 лет составит менее 7%, то есть будет ниже годового роста в наиболее успешный период с 2000 по 2008 г. В последующие 30 лет рост несколько ускорится, но все равно будет оставаться очень низким, абсолютно худшим среди всех 46 стран, для которых были построены прогнозы. Этот список включает все развитые страны, которые, при прочих равных условиях, должны расти намного медленнее. Иными словами, Россия, как ожи-

Среднегодовые фактические и прогнозные темпы экономического роста по странам с формирующимся рынком — членам «большой двадцатки»

Страна	Фактические данные		Прогноз на 2020–2021 гг.		Прогноз ОЭСР	
	2000–2009	2010–2019	МВФ	Всемирный банк	2018–2030	2030–2060
Китай	10,3	7,6	5,1	3,9	4,2	2,2
Индия	6,9	7,2	4,6	–0,1	5,3	3,5
Россия	5,4 (3)	1,9 (7)	–1,1 (8)	–1,7 (6)	0,5 (9)*	1,2 (9)*
Индонезия	5,3	5,4	4,3	2,4	3,6	3,0
Турция	3,8	5,7	–0,1	0,5	3,6	2,5
ЮАР	3,6	1,7	–1,0	–2,2	1,5	2,1
Саудовская Аравия	3,4	3,4	0,3	–0,7	–	–
Бразилия	3,4	1,3	–1,3	–3,0	1,4	1,5
Аргентина	2,3	1,2	–0,8	–2,7	2,0	1,8
Мексика	1,4	2,7	–1,9	–2,4	1,7	1,9
Среднее без России	4,5	4,0	1,0	–0,5	2,9	2,3
Мировая экономика	3,9	3,8	–3,0	–5,2	3,4	2,4

Примечание. В скобках указано место России среди 10 крупнейших стран с формирующимся рынком. * 9-е место из 9 стран, для которых имеется прогноз.

Источники: Guillimet, Turner, 2018; IMF, 2020; World Bank, 2020.

дается, не только пропустит вперед другие страны с формирующимся рынком, но и еще больше отстанет от развитых.

Конечно, приведенные прогнозы ОЭСР — не «истина в последней инстанции», однако просто отмахнуться от этих неприятных для нас предсказаний нельзя. Во-первых, данный сценарий вписывается в тенденцию замедления российской экономики, зафиксированную в 2010-е годы. Во-вторых, он совместим с оценками потенциального долгосрочного роста российской экономики, полученными на основе так называемого «закона Тирлвола». Данный подход исходит из условий устойчивости платежного баланса, а полученные на его основе прогнозы демонстрируют высокую точность. Три работы, где закон Тирлвола применялся к российской экономике (Гурвич, Прилепский, 2013; Nassif et al., 2016; Tovar-García, Carrasco, 2019), в зависимости от спецификации дали оценки долгосрочных темпов роста от 0,5 до 2,2%. По всей видимости, на сегодня этот диапазон объективно соответствует потенциалу роста нашей экономики. В целом прогноз ОЭСР можно рассматривать как пессимистический сценарий, который может реализоваться, если не будут приняты энергичные меры, чтобы переломить ситуацию.

Влияние экзогенных факторов на российскую экономику в 2000-е годы можно оценить, сравнивая фактический рост с оценками потенциального, или «структурного» (очищенного от циклических факторов). Согласно данным: Okawa, Sanghi, 2018, средние темпы потенциального роста российской экономики в 2000–2009 гг. составляли 3,8%. По оценкам в: Дробышевский и др., 2018, структурные

темпы роста снижались с 5,5% в 2000 г. до 3,2% в 2010 г., то есть составляли в среднем 4–4,5%. Таким образом, примерно $\frac{1}{3}$ наблюдаемого в 2000-е годы роста определялась временными факторами (повышением цен на нефть, рекордно высоким притоком капитала в страны с формирующимся рынком и др.). В отличие от этого, в 2010-е годы фактические темпы роста российской экономики были близки к структурным (отчасти потому, что за данное десятилетие цены на нефть практически не изменились). Возвращаясь к таблице, можно заключить, что даже после коррекции на благоприятные внешние факторы в 2000-е годы темпы роста в России были не намного ниже среднего и выше медианного значения для 10 крупнейших стран с формирующимся рынком. В 2010-е годы темпы роста были уже вдвое ниже средних и существенно уступали медианному значению для этой группы стран.

Чем могло быть вызвано столь резкое замедление российской экономики? К числу потенциальных причин можно отнести факторы, способные существенно снизить темпы роста ВВП и характерные для второго периода, но не для первого.

1. *Исчерпание потенциала действия некоторых «разовых» факторов.* К началу 2000-х годов Россия подошла с унаследованным от СССР низким уровнем развития многих важных секторов и направлений деятельности. Это относится, в частности, к розничной торговле, банковской системе, розничному и ипотечному кредитованию. Подобные виды деятельности росли чрезвычайно быстро (хотя и от низкой исходной базы) — так, объем кредитов, выданных физическим лицам, за 2000-е годы вырос в реальном выражении в 38 раз (почти в 1,5 раза ежегодно). Однако это был «однократный эффект»: после достижения определенного уровня развития такие виды деятельности далее развивались примерно с той же скоростью, что и экономика в целом.

2. *«Сворачивание экономических реформ».* Во второй половине 2000-х годов активность в области проведения структурных реформ резко снизилась. С одной стороны, это можно объяснить тем, что очередь дошла до политически трудных реформ (как монетизация льгот). С другой стороны, быстрый рост экономики и уровня жизни (за 2000–2008 гг. реальные располагаемые доходы населения выросли в 2,5 раза) резко ослабил стимулы для продолжения преобразований. Отказ от реформ в подобных ситуациях часто наблюдается и в истории, и в современной международной практике. Фактически здесь совпали два мотива: опасения ослабить поддержку власти непопулярными реформами и самоуспокоенность в результате успехов, обусловленных ростом сырьевых доходов. В странах, подверженных «ресурсному проклятию», в подобной ситуации часто возникает иллюзия, что необходимые для устойчивого развития экономики условия уже созданы, поэтому в дальнейших усилиях нет необходимости.

3. *Расширение масштабов государственного сектора экономики.* В 2010-е годы прямое участие государства в экономике существенно выросло по сравнению с 2000-ми. По оценкам экспертов РАНХиГС, доля государственного сектора в ВВП повысилась с 31% в 2000 г. до

48% в 2009 г. и в дальнейшем оставалась близкой к этому уровню (Радыгин и др., 2019)¹⁷.

Контролируемые государством компании имеют ряд принципиальных недостатков по сравнению с частными. Во-первых, они существуют в условиях «мягких бюджетных ограничений» (МБО) (Корнаи и др., 2004). Как показывает международный опыт, государство часто компенсирует неэффективность работы таких компаний, предоставляя им в той или иной форме дополнительные ресурсы или льготы. В результате стимулы госкомпаний повышать свою эффективность оказываются ослабленными. Далее, госкомпании значительно больше, чем частные, подвержены коррупции (например, в отношениях со своими поставщиками), что также существенно снижает их эффективность (Baum et al., 2019). В силу этого преимущество частных компаний перед государственными оказывается особенно сильным в странах с высоким уровнем коррупции (Shaheer et al., 2019). Наконец, государство — это специфический собственник, интересы которого связаны не столько с капитализацией или рентабельностью своих компаний, сколько со сторонами деятельности, которые имеют прямое политическое измерение. В результате широко распространена практика ориентации госкомпаний на решение не экономических, а социальных (прежде всего поддержки занятости), геополитических и тому подобных задач. Это, естественно, негативно сказывается на собственно экономических результатах. Первым на это обратил внимание будущий главный экономист Всемирного банка Дж. Лин (Lin, Tan, 1999). Подобные примеры в российской практике приводятся в: Морозкина, 2019.

Эмпирический анализ не всегда дает однозначный ответ на вопрос, какие предприятия более эффективны: государственные или частные. Однако в случаях, когда первые демонстрируют лучшие результаты, за этим обычно кроются преимущества принадлежности государству (субсидии, льготы по налогам и кредитам, защита от конкуренции и т. д.; Lam et al., 2017).

Одно из последних масштабных исследований данной проблемы было проведено экспертами Азиатского банка развития (Phi et al., 2019). Изучив данные более 25 тыс. фирм по всему миру и используя широкий круг эконометрических методов анализа, авторы получили убедительные свидетельства того, что государственные предприятия имеют меньшую производительность, более высокие удельные расходы на труд и меньшую рентабельность. В Китае производительность государственных предприятий в 2000-е годы составляла лишь 30–40% показателя частных (Hsieh, Song, 2015). Наконец, анализ показателей 79 тыс. российских предприятий за 2003–2008 гг., проведенный Всемирным банком, подтвердил, что в нашей стране фирмы государственной и муниципальной форм собственности также имеют значительно худшие показатели производительности по сравнению с частными (Bogetic, Olusi, 2013).

4. *Введение санкций и контрсанкций.* По оценкам в: Gurvich, Prilepskiy, 2019, сокращение притока капитала из-за санкций в 2014 —

¹⁷ Расширение госсектора, возможно, следовало логике создания опорного для власти слоя бизнеса по аналогии с залоговыми аукционами (которые, вероятно, имели одной из целей формирование группы крупных собственников как союзников в борьбе со старыми «советскими» элитами).

2017 г. замедляло рост российской экономики на 0,3–0,6 п. п. в год. К такому краткосрочному эффекту необходимо добавить более отдаленные, но достаточно существенные эффекты, связанные с ослаблением процесса трансфера передовых технологий (в частности, это проявляется в падении прямых иностранных инвестиций). Наконец, санкции подтолкнули правительство перейти от последовательной интеграции в мировую экономику к постепенному повышению барьеров для импортных товаров. Тем самым снижается конкуренция и блокируется один из важнейших механизмов роста, связанный с вовлечением в международное разделение труда.

Разумеется, наивно полагать, что для восстановления прежних высоких темпов роста необходимо просто вернуться к ситуации 2000-х годов. Одни изменения невозможно «отменить», поскольку они стали результатом естественного развития экономики, другие — потому что их бенефициары обладают достаточным политическим влиянием, чтобы блокировать разворот, третьи — в силу того, что это потребовало бы кардинально реформировать всю сложившуюся экономическую и институциональную среду. Скажем, предложения по комплексу реформ «Стратегия-2020», разработанные в 2011–2012 гг. экспертами по поручению правительства (которое тогда возглавлял В. В. Путин), как и подготовленные в 2016–2017 гг. рабочей группой Экономического совета при Президенте РФ по его поручению, были в очень малой степени востребованы, большая их часть осталась лишь на бумаге. Что тогда могло бы реально ускорить рост российской экономики?

Ответить на этот вопрос сложно потому, что российское правительство уже бралось (без видимого успеха) за решение большей части задач, которые входят в стандартные рецепты достижения долгосрочного экономического роста. Приведем лишь несколько примеров.

1. В указах Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О долгосрочной государственной экономической политике» ставилась цель повысить инвестиции до 25% ВВП к 2015 г. и 27% ВВП к 2018 г. Фактически в период с 2012 по 2019 г. доля инвестиций в основной капитал в ВВП не превышала 22% и в среднем оставалась на уровне 2011 г.

2. Для повышения инвестиционной привлекательности была поставлена задача улучшить условия для бизнеса, измеряемые позицией в рейтинге Всемирного банка «Ведение бизнеса» (Doing business). Здесь был достигнут впечатляющий прогресс: Россия поднялась в нем со 123-го места в 2011 г. на 28-е в рейтинге 2020 г. и сейчас опережает все страны с формирующимся рынком из «большой двадцатки» и многие развитые страны (включая Францию, Швейцарию и Нидерланды). Однако анализ показывает, что показатели этого рейтинга слабо связаны с темпами экономического роста. Причина, видимо, в том, что они отражают лишь количественно измеряемые первичные факторы (например, время и расходы на регистрацию новой фирмы), но не учитывают барьеры, которые потом приходится преодолевать предпринимателям для реального выхода на рынок, проблемы силового давления на бизнес, риски его рейдерского захвата и т. д. (Гурвич, 2019).

3. В 2011 г. правительство приняло Стратегию инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, на реализацию которой был направлен набор институтов развития и федеральных целевых программ. К сожалению, по основным направлениям ситуация в сфере инноваций за прошедшие годы мало изменилась, а важнейшие показатели далеки от целевых значений.

Так, доля промышленных организаций, осуществляющих технологические инновации, по данным Росстата, к 2017 г. выросла лишь до 9,6% по сравнению с 9,3% в 2010 г. и отставала от целевых показателей 20% на 2016 и 40% на 2020 г. Доля инновационных товаров в промышленном экспорте составила в 2018 г. 6,6% (при целевых значениях 12% в 2016 и 15% в 2020 г.). К 2016 г. Россия должна была войти в десятку ведущих стран в международном рейтинге развития информационных технологий, фактически она занимала в том году 43-е, а в 2017 гг. вернулась на 45-е место в рейтинге.

Аналогичная судьба постигла и другие важные задачи: дерегулирование экономики, активное заимствование передовых технологий, борьбу с коррупцией, защиту бизнеса от силового давления и др. В ситуации, когда стандартные подходы к ускорению роста либо не применяются, либо не работают, необходимо, не забывая о перечисленных проблемах, дополнительно рассмотреть механизмы роста, которые до сих пор не использовались в достаточной мере. Наиболее перспективными видятся два связанных между собой направления деятельности: активизация механизмов «созидательного разрушения» и серьезное изменение условий работы государственных предприятий и компаний.

«Созидательное разрушение» подразумевает постоянно идущий процесс отсева (ухода с рынка) неэффективных фирм с их заменой новыми, потенциально более эффективными, а также перемещение экономических ресурсов от менее производительных фирм к более производительным. Анализ показывает, что этот механизм вносит большой вклад в экономический рост. В работе: Foster et al., 2001, показано, что в США «естественный отбор» фирм по эффективности обеспечивал $\frac{1}{4}$ роста совокупной факторной производительности (СФП), в Ю. Корее и Чили в разные периоды, согласно данным: Asturias et al., 2019, — от $\frac{1}{4}$ до половины, а в Китае — 72% роста СФП (Brandt et al., 2012). В то же время исследования показывают, что в России «созидательное разрушение» работает сравнительно слабо.

Так, по оценкам в: Савин и др., 2020, вклад перетока трудовых ресурсов от менее производительных компаний к более производительным в общий рост СФП составляет лишь 8%. При этом среди крупных фирм доля рынка, вопреки экономической логике, перераспределяется в пользу менее производительных компаний, а среди малых предприятий перераспределение идет в правильном направлении, и этот механизм обеспечивает примерно $\frac{1}{3}$ роста производительности. Авторы делают вывод, что действие «созидательного разрушения» в России не затрагивает крупный бизнес (более того, там действует отрицательный отбор), возможно, в силу высокого удельного веса государственных компаний, тогда как малый и средний бизнес в основном действует в конкурентной рыночной среде. Е. Бессонова (2018) показала, что в 2000-е годы в российской экономике сформировалась большая группа предприятий-аутсайдеров, производительность которых не только все больше отставала

от лидеров, но и быстро падала. В изученной выборке 10% лучших предприятий за 2009–2015 гг. повысили СПФ на 30%, а 50% худших предприятий снизили этот показатель в 5 раз. Несмотря на усиливающуюся отсталость, такие предприятия остаются на рынке, играя роль обременительного балласта. В то же время обследования российских предприятий подтверждают более высокую динамику производительности у «молодых» фирм по сравнению со «старыми» (Симачев и др., 2020), что свидетельствует о большом потенциале механизма «созидательного разрушения» в нашей стране (если бы его удалось запустить).

В принципе процесс «созидательного разрушения» выступает естественным результатом действия рыночной среды, то есть его слабость говорит о нарушении работы рыночных механизмов в российской экономике. С чем это может быть связано?

Лежащая на поверхности причина — низкий уровень конкуренции. Здесь у России действительно слабые позиции: в рейтинге конкурентоспособности Международного экономического форума наша страна занимает 80-е место среди 141 страны по распространенности доминирования на рынке и 116-е место по открытости для внешней конкуренции. Вторая возможная причина — сохранение МБО. Как отмечает ряд авторов, в переходных экономиках (например, в Китае) типичный механизм их возникновения — неформальные отношения бизнеса с властями, которые часто распространяются не только на государственные, но и на частные компании. «Правильные» фирмы могут рассчитывать на поддержку, позволяющую выживать; другая ситуация — власти в одностороннем порядке спасают нежизнеспособные предприятия, чтобы не допустить роста социальной напряженности в случае их банкротства и закрытия.

При этом руководители госкомпаний часто объясняют слабые результаты деятельности решением поставленных правительством задач. Государство не всегда может (и хочет) отличить объективные причины от непрофессионализма и слабой мотивации государственных менеджеров, в результате соглашаясь снова спасать госкомпании с помощью субсидий, дополнительных взносов в капитал и т. д.

Наконец, еще одно условие формирования МБО — низкая мобильность трудовых ресурсов. Если локальные рынки изолированы друг от друга, то неконкурентоспособные фирмы могут выживать за счет дешевой рабочей силы, поскольку работники не имеют возможности переехать в регион с лучшей оплатой труда. Низкая мобильность рабочей силы в России подтверждается как значительной межрегиональной дифференциацией зарплаты и безработицы, так и систематическим сравнительным анализом (Вакуленко, 2020).

Не претендуя на исчерпывающее описание способов активизации «созидательного разрушения», отмечу несколько общих принципов, которым государство должно следовать:

- не препятствовать уходу с рынка несостоятельных фирм;
- не возлагать на коммерческие организации решение социальных или политических (геополитических) задач;
- не предоставлять льготы и преференции по налогам, кредитам, тарифам и т. п. каким-либо компаниям на индивидуальной основе;
- не вводить ограничения на импорт продукции;

– не создавать у менеджеров крупнейших компаний и банков опасного представления, что их компании слишком важны, чтобы обанкротиться.

Предложенный механизм легче реализовать, чем перечисленные выше, поскольку здесь требуется *не делать* чего-то. В то же время необходимо отказаться от многих широко распространенных и удобных практик управления. К тому же сохраняется проблема риска политики «созидательного разрушения». Однако нельзя забывать о том, что этому противостоит еще больший риск глубокой стагнации российской экономики, которая может затянуться на десятилетия. Представители всех ветвей власти должны помнить, что, нарушая представленные «заповеди», они каждый раз снижают и без того низкие темпы роста нашей экономики.

Список литературы / References

- Белоусов Д. Р., Солнцев О. Г., Пенухина Е. А., Михайленко К. В. (2020). О контурах конструктивного варианта прогноза. М.: Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. [Belousov D. R., Solntsev O. G., Penukhina E. A., Mikhailenko K. V. (2020). *Framing the constructive forecast*. Moscow: The Center for Macroeconomic Analysis and Short-term Forecasting (CMASF). (In Russian).]
- Бессонова Е. В. (2018). Анализ динамики совокупной производительности факторов на российских предприятиях (2009–2015 гг.) // Вопросы экономики. № 7. С. 96–118. [Bessonova E. V. (2018). Analysis of Russian firms' TFP growth in 2009–2015. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 96–118. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-7-96-118>
- Вакуленко Е. С. (2020). Анализ уровня межрегиональной и межсекторной мобильности трудовых ресурсов в России // Экономика региона. Т. 16, № 4 [в печати]. [Vakulenko E. S. (2020). Analyzing interregional and intersectoral mobility of labor resources in Russia. *Economy of Region*, Vol. 16, No. 4 [forthcoming]. (In Russian).]
- Воскобойников И. Б., Баранов Э. Ф., Бобылева К. В., Капелюшников Р. И., Пионтковский Д. И., Толokonников А. В., Роскин А. А. (2020). Источники роста производительности труда после шоков 1998 и 2008 годов в России в контексте перспектив восстановления экономики после кризиса COVID-19. Доклад к XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: Изд. дом ВШЭ. [Voskoboynikov I. B., Baranov E. F., Bobileva K. V., Kapeliushnikov R. I., Piontkovski D. I., Tolokonnikov A. V., Roskin A. A. (2020). *Sources of labor productivity growth in Russia after the shocks of 1998 and 2008 in the context of the COVID-19-related economic crisis*. Paper presented at the XXI April international academic conference on economic and social development. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- ВЭБ (2020). Тенденции развития российской экономики в условиях пандемии коронавируса и возможные антикризисные меры. М.: Институт исследования и экспертизы ВЭБ РФ. [VEB (2020). *Development trends of the Russian economy under the coronavirus pandemic and possible anti-crisis policies*. Moscow: Vnesheconombank Institute. (In Russian).]
- Гурвич Е., Прилепский И. (2013). Как обеспечить внешнюю устойчивость российской экономики // Вопросы экономики. № 9. С. 4–39. [Gurvich E., Prilepskiy I. (2013). How to secure external sustainability of the Russian economy. *Voprosy Ekonomiki*, No. 9, pp. 4–39. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-9-4-39>

- Гурвич Е. Т. (2019). Возможные источники и ограничения роста российской экономики в период до 2024 г. // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 30–45. [Gurvich E. T. (2019). Capabilities and limitations of growth of the Russian economy in the period till 2024. *Theoretical Economics*, No. 1, pp. 30–45. (In Russian).]
- Дробышевский С. М., Идрисов Г. И., Каукин А. С., Павлов П. Н., Синельников-Мурылев С. Г. (2018). Декомпозиция темпов роста российской экономики в 2007–2017 гг. и прогноз на 2018–2020 гг. // Вопросы экономики. № 9. С. 5–31. [Drobyshevsky S. M., Idrisov G. I., Kaukin A. S., Pavlov P. N., Sinelnikov-Murylev S. G. (2018). Decomposition of Russian GDP growth rates in 2007–2017 and forecast for 2018–2020. *Voprosy Ekonomiki*, No. 9, pp. 5–31. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-9-5-31>
- Единак Е. А. (2019). Моделирование межотраслевой занятости на базе таблиц затраты–выпуск // Актуальные вопросы экономики и социологии: Сб. статей по материалам XV Осенней конференции молодых ученых в новосибирском Академгородке / Под ред. О. В. Тарасовой, Н. О. Фурсенко. Новосибирск. С. 522–529. [Edinak E. A. (2019). Modeling of intersectoral employment based on input–output tables. In: O. V. Tarasova, N. O. Fursenko (eds.). *Actual issues of economics and sociology*. Proceedings of the XV Autumn conference of young scientists in Novosibirsk Akademgorodok. Novosibirsk, pp. 522–529. (In Russian).]
- Ивантер В. В. (2019). Возможности ускорения темпов экономического роста в России // Общество и экономика. № 7. С. 5–11. [Ivanter V. V. (2019). On accelerating rates of economic growth in Russia. *Obshchestvo i Ekonomika*, No. 7, pp. 5–11. (In Russian).] <https://doi.org/10.31857/S020736760005829-0>
- Иванова М., Балаев А., Гурвич Е. (2017). Повышение пенсионного возраста и рынок труда // Вопросы экономики. № 3. С. 22–39. [Ivanova M., Balaev A., Gurvich E. (2017). Implications of higher retirement age for the labor market. *Voprosy Ekonomiki*, No. 3, pp. 22–39. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-3-22-39>
- ИНИП РАН (2020). Прогноз индикаторов экономики РФ: 2020–2023 гг. (Квартальный прогноз № 47). М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. [IEF RAS (2020). *The forecast of main indicators of the Russian economy: 2020–2023* (Quarterly forecast No. 47). Moscow: The Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences. (In Russian).]
- ИЭП (2018). Российская экономика в 2017 году. Тенденции и перспективы. Вып. 39. М.: Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара. [IEP (2018). *Russian economy in 2017. Trends and outlooks*, Iss. 39. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy. (In Russian).]
- ИЭП (2020). Российская экономика в 2019 году. Тенденции и перспективы. Вып. 41. М.: Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара. [IEP (2020). *Russian economy in 2019. Trends and outlooks*, Iss. 41. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy. (In Russian).]
- Капелюшников Р. И. (2006). Занятость в домашних хозяйствах населения // Нестандартная занятость в российской экономике / Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ. С. 224–280. [Kapeliushnikov R. I. (2006). Employment in households. In: V. E. Gimpelson, R. I. Kapeliushnikov (eds.). *Atypical employment in the Russian economy*. Moscow: HSE Publ., pp. 224–280. (In Russian).]
- Кондрашов Н. (2020). Макроэкономика. Апрель — дно, да не во всем // Комментарии о государстве и бизнесе. № 286. М.: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. [HSE Centre of Development Institute (2020). Macroeconomics. April is the bottom, but not everywhere. *Comments on Government and Business Activities*, No. 286. Moscow: HSE Centre of Development Institute. (In Russian).] <https://dcenter.hse.ru/mon/71896859/370033721.html>

- Корнаи Я., Маскин Э., Ролан Ж. (2004). Осмысливая феномен мягких бюджетных ограничений // Вопросы экономики. № 11. С. 4–33. [Kornai J., Maskin E., Roland G. (2004). Understanding the soft budget constraint. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 4–33. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2004-11-4-33>
- Ксенофонтов М. Ю., Милякин С. Р. (2018). Процесс автомобилизации и определяющие его факторы в ретроспективе, настоящем и будущем // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 92–105. [Ksenofontov M. Yu., Milyakin S. R. (2018). The motorization process and its determining factors in retrospect, present and future. *Problemy Prognozirovaniya*, No. 4, pp. 92–105. (In Russian).]
- Ксенофонтов М. Ю., Ползиков Д. А., Гольденберг И. А., Ситников П. В. (2018). Методологические проблемы формирования концепции продовольственной безопасности в России // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 127–136. [Ksenofontov M. Yu., Polzikov D. A., Goldenberg I. A., Sitnikov P. V. (2018). Methodological problems of the formation of the concept of food security in Russia. *Problemy Prognozirovaniya*, No. 5, pp. 127–136. (In Russian).]
- Кудрин А., Соколов И. (2017). Бюджетные правила как инструмент сбалансированной бюджетной политики // Вопросы экономики. № 11. С. 5–32. [Kudrin A., Sokolov I. (2017). Fiscal rules as an instrument of balanced budget policy. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 5–32. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-11-5-32>
- Мау В. А. (2019). Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018–2019 гг. // Вопросы экономики. № 3. С. 5–28. [Mau V. A. (2019). National goals and model of economic growth: New in the Russian socio-economic policy of 2018–2019. *Voprosy Ekonomiki*, No. 3, pp. 5–28. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-3-5-28>
- Милякин С. Р. (2019). Технологические сдвиги и их влияние на матрицу коэффициентов прямых затрат: эконометрический подход // Актуальные вопросы экономики и социологии: Сб. статей по материалам XV Осенней конференции молодых ученых в новосибирском Академгородке / Под ред. О. В. Тарасовой, Н. О. Фурсенко. Новосибирск. С. 550–559. [Milyakin S. R. (2019). Technological shifts and their impact on the matrix of direct cost coefficients: An econometric approach. In: O. V. Tarasova, N. O. Fursenko (eds.). *Actual issues of economics and sociology*. Proceedings of the XV Autumn conference of young scientists in Novosibirsk Akademgorodok. Novosibirsk, pp. 550–559. (In Russian).]
- Мисихина С. (2020). Население. Оценка падения доходов населения во втором квартале 2020 г.: что меняют новые данные в области занятости, зарплат и доходов, а также новые меры поддержки // Комментарии о государстве и бизнесе. № 284. М.: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. [Misikhina S. (2020). Households. Estimation of fall in household income in the second quarter of 2020: What new data about employment, wages and income, as well as new support measures change. *Comments on Government and Business Activities*, No. 284. Moscow: HSE Centre of Development Institute. (In Russian).] <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/369947599.pdf>
- Морозкина А. К. (2019). Национальные институты развития и бюджетные риски: международная и российская практика // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 175–192. [Morozkina A. K. (2019). National development institutions and budget risks: International and Russian practice. *Public Administration Issues*, No. 3, pp. 175–192. (In Russian).]
- Порфирьев Б. Н. (2019). Экономическое измерение климатического вызова устойчивому развитию России // Вестник Российской академии наук. Т. 89, № 4. С. 400–407. [Porfiriev B. N. (2019). Economic dimension of the climate challenge to Russia's sustainable development. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*, Vol. 89, No. 4, pp. 400–407. (In Russian).] <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894400-407>

- Пухов С. (2020). Мировая экономика. Опережающие индикаторы: COVID-рецессия // Комментарии о государстве и бизнесе. № 287. М.: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. [Pukhov S. (2020). World economy. Leading indicators: COVID recession. *Comments on Government and Business Activities*, No. 287. Moscow: HSE Centre of Development Institute. (In Russian).] <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/371707048.pdf>
- Радыгин А. Д., Энтов Р. М., Абрамов А. Е., Чернова М. И., Мальгинов Г. Н. (2019). Приватизация: 30 лет спустя. М.: Дело. [Radygin A. D., Entov R. M., Abramov A. E., Chernova M. I., Malginov G. N. (2019). *Privatization: 30 years later*. Moscow: Delo. (In Russian).]
- Савин И. В., Мариев О. С., Пушкарев А. А. (2020). Оценка рыночного отбора в России: когда размер (фирмы) имеет значение // Вопросы экономики. № 2. С. 101–124. [Savin I. V., Mariev O. S., Pushkarev A. A. (2020). Measuring the strength of market selection in Russia: When the (firm) size matters. *Voprosy Ekonomiki*, No. 2, pp. 101–124. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-2-101-124>
- Саяпова А. Р., Шилов А. А. (2019). Основы метода затраты–выпуск. М.: Макс Пресс. [Sayarova A. R., Shirov A. A. (2019). *Fundamentals of the input–output method*. Moscow: Maks Press. (In Russian).]
- Симачев Ю. В., Кузык М. Г., Федюнина А. А., Юревич М. А., Зайцев А. А. (2020). Факторы роста производительности труда на предприятиях несырьевых секторов российской экономики. М.: НИУ ВШЭ. [Simachev Yu. V., Kuzyk M. G., Fedyunina A. A., Yurevich M. A., Zaitsev A. A. (2020). *Growth factors of labor productivity at enterprises of non-primary sectors of the Russian economy*. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Смирнов С. (2020a). Консенсус-прогноз. Опрос профессиональных прогнозистов: перерыв постепенности // Комментарии о государстве и бизнесе. № 269. М.: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. [Smirnov S. (2020a). Consensus-forecast. Survey of professional forecasters: A break in gradualness. *Comments on Government and Business Activities*, No. 269. Moscow: HSE Centre of Development Institute. (In Russian).] <https://dcenter.hse.ru/data/2020/04/09/1554554589/Cf-2020-04.pdf>
- Смирнов С. (2020b). Консенсус-прогноз. Опрос профессиональных прогнозистов: умеренный пессимизм // Комментарии о государстве и бизнесе. № 276. М.: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. [Smirnov S. (2020b). Consensus-forecast. Survey of professional forecasters: Moderate pessimism. *Comments on Government and Business Activities*, No. 276. Moscow: HSE Centre of Development Institute. (In Russian).] <https://dcenter.hse.ru/data/2020/05/18/1548809003/Cf-2020-Q2.pdf>
- Центр развития (2020). Сценарный прогноз макроэкономической динамики и доходов населения до 2024 г. Апрель. М.: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ. [HSE Centre of Development Institute (2020). *Scenario forecast: Macroeconomic dynamics and household income until 2024*, April. Moscow. (In Russian).] https://dcenter.hse.ru/data/2020/05/20/1548209626/DC%20HSE%20-%20forecast_macro_hh_income__2020_04.pdf
- Шилов А. А., Потапенко В. В. (2018). Рынок труда и качество человеческого капитала // ЭКО. № 2. С. 18–34. [Shirov A. A., Potapenko V. V. (2018). Labor market and the quality of human capital. *EKO*, No. 2, pp. 18–34. (In Russian).]
- Шилов А. А., Янговский А. А. (2014). Межотраслевая макроэкономическая модель как ядро комплексных прогнозных расчетов // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 18–31. [Shirov A. A., Yantovsky A. A. (2014). Input–output macroeconomic model as the core of complex forecasting calculations. *Problemy Prognozirovaniya*, No. 3, pp. 18–31. (In Russian).]
- Шилов А. А., Янговский А. А. (2017). Межотраслевая макроэкономическая модель RIM – развитие инструментария в современных экономических условиях // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 3–18. [Shirov A. A., Yantovsky A. A. (2017). RIM interindustry macroeconomic model: Development of instruments under current economic conditions. *Problemy Prognozirovaniya*, No. 3, pp. 3–18. (In Russian).]

- Asturias J., Hur S., Kehoe T. et al. (2019). Firm entry and exit and aggregate growth. *NBER Working Paper*, No. 23202. <https://doi.org/10.26509/frbc-wp-201903>
- Baum A., Hackney C., Medas P. et al. (2019). Governance and state-owned enterprises: How costly is corruption? *IMF Working Paper*, No. WP/19/253.
- Bogetic Z., Olusi O. (2013). Drivers of firm-level productivity in Russia's manufacturing sector. *World Bank Policy Research Working Paper*, No. WPS6572. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-6572>
- Brandt L., Van Biesebroeck J., Zhang Y. (2012). Creative accounting or creative destruction? Firm-level productivity growth in Chinese manufacturing. *Journal of Development Economics*, Vol. 97, pp. 339–351. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2011.02.002>
- Dabrowski M. (2019). Factors determining Russia's long-term growth rate. *Russian Journal of Economics*, Vol. 5, No. 4, pp. 328–353. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.5.49417>
- Foster L., Haltiwanger J., Krizan C. (2001). Aggregate productivity growth: Lessons from microeconomic evidence. In: C. R. Hulten, E. R. Dean, M. J. Harper (eds.). *New developments in productivity analysis*. Chicago: University of Chicago Press, pp. 303–372.
- Guillimet Y., Turner D. (2018). *The long view: Scenarios for the world economy to 2060*. Paris: OECD.
- Gurvich E., Prilepskiy I. (2019). Western sanctions and Russian responses: Effects after three years. In: T. Becker, S. Oxenstierna (eds.). *The Russian economy under Putin*. Oxon: Routledge, pp. 30–47.
- Hsieh C., Song Z. (2015). Grasp the large, let go of the small: The transformation of the state sector in China. *NBER Working Paper*, No. 21006. <https://doi.org/10.3386/w21006>
- IMF (2020). *World economic outlook, April 2020: The great lockdown*. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Jorgenson D. W. (2018). Production and welfare: Progress in economic measurement. *Journal of Economic Literature*, Vol. 56, No. 3, pp. 867–919. <https://doi.org/10.1257/jel.20171358>
- Lam W., Rodlauer M., Schipke A. (eds.) (2017). *Modernizing China. Investing in soft infrastructure*. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Lin J. Y., Tan G. (1999). Policy burdens, accountability and soft budget constraint. *American Economic Review*, Vol. 89, No. 2, pp. 426–431. <https://doi.org/10.1257/aer.89.2.426>
- Nassif A., Feijo C., Araujo E. (2016). Structural change, catching up and falling behind in the BRICS: A comparative analysis based on trade patterns and Thirlwall's law. *PSL Quarterly Review*, Vol. 69, No. 278, pp. 373–421.
- Okawa Y., Sanghi A. (2018). Potential growth outlook and options for the Russian Federation. *World Bank Policy Research Working Paper*, No. 8663. <https://doi.org/10.1596/1813-9450-8663>
- Phi N., Taghizadeh-Hesary F., Tu C. et al. (2019). Performance differential between private and state-owned enterprises: An analysis of profitability and leverage. *ADB Working Paper*, No. 950. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3470070>
- Shaheer N., Jingtao Y., Sali L. et al. (2019). State-owned enterprises as bribe payers: The role of institutional environment. *Journal of Business Ethics*, Vol. 159, pp. 221–238. <https://doi.org/10.1007/s10551-017-3768-z>
- Shirov A., Kolpakov A. (2019). *Macroeconomic impact of the energy technologies changes in Russia: Input–output approach*. Unpublished manuscript. https://www.iioa.org/conferences/27th/papers/files/3616_20190430051_Shirov,Kolpakov_IIOA2019FullPaper.pdf
- Solow R. M. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 70, No. 1, pp. 65–94. <https://doi.org/10.2307/1884513>
- Tovar-García E., Carrasco C. (2019). The balance of payments and Russian economic growth. *HSE Economic Journal*, Vol. 23, No. 4, pp. 524–541. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2019-23-4-524-541>

- Voskoboynikov I. B. (2012). New measures of output, labor and capital in industries of the Russian economy. *GGDC Working Papers*, No. GD-123. Groningen Growth and Development Centre, University of Groningen.
- Voskoboynikov I. B. (2017). Sources of long run economic growth in Russia before and after the global financial crisis. *Russian Journal of Economics*, Vol. 3, No. 4, pp. 348–365. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.12.003>
- World Bank (2020). *Global economic prospects, June 2020*. Washington, DC.
-

**The prospects of Russian economic growth recovery
(Proceedings of the roundtable discussion at
the XXI April international academic conference on
economic and social development)**

Participants: Natalia V. Akindinova¹, Marek P. Dabrowski^{1,2,3},
Alexander A. Shirov⁴, Dmitry R. Belousov^{4,5},
Iliya B. Voskoboynikov¹, Evsey T. Gurvich^{6,7,*}

Participants affiliation: ¹National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); ²Bruegel (Brussels, Belgium);

³CASE — Center for Social and Economic Research (Warsaw, Poland);

⁴Institute of Economic Forecasting, RAS (Moscow, Russia);

⁵Center for Macroeconomic Analysis and Short-term Forecasting (Moscow, Russia);

⁶Economic Expert Group (Moscow, Russia); ⁷Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation (Moscow, Russia).

*Corresponding author, email: egurvich@eeg.ru

The issues to be discussed at the panel included: can past experience of economy recovery following crises of 1998 and 2008 be helpful at present; what sectors were driving growth of the Russian economy in the last decade, and are they able to perform this role in the future; what growth rate is feasible in 2021; what amendments to the national projects aimed at boosting growth are likely. In addition to that the panel participants specified key factors affecting productivity and output trends in Russia, suggested ways to support economy in the course of “coronacrisis”, and pointed out to economic policy measures that could accelerate economic growth.

Keywords: economic growth, long-term growth factors, labor productivity, structural changes, economic policy.

JEL: E6, H11, O1, O4, P4.